

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ
БЕСЧЕСТЬЯ

Предисловие к первому изданию

Истории, созданные в повествовательной манере и составляющие эту книгу, были написаны в 1933–1934 годах. Своим рождением они обязаны, я полагаю, Стивенсону и Честертону, а также первым фильмам фон Штернберга и, возможно, некоторым биографическим данным Эваристо Карриего. Они способны сослужить плохую службу своим первоисточникам: многочисленные перечисления, неожиданная развязка, сведение всей жизни человека к двум-трем эпизодам. (Это авторское намерение заметно также и в новелле «Мужчина из Розового салона».) Они не являются психологическими рассказами и не пытаются быть таковыми.

Что касается сказочных историй, которые завершают книгу, то я — только их переводчик и читатель, не более того. Подчас я склонен думать, что хороший читатель еще более загадочен и уникален, чем хороший автор. Меня никто не убедит, что произведения, которые Вале-

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

ри приписал своему давнему персонажу Эдмону Тэсту, обладают большей ценностью, чем созданные позже письма его, Тэста, жены и друзей.

Чтение — это прежде всего форма деятельности, что идет вслед процессу писания; но только более смиренная, более изысканная, более интеллектуальная.

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 27 мая 1935 г.

Предисловие к изданию 1954 года

Прежде всего отмечу: барокко — это стиль, который осознанно исчерпывает (или желает исчерпать) свои собственные возможности и который соприкасается с карикатурой на самого себя. Напрасно Эндрю Лэнг, в тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году, пытался подражать «Одиссеи» Поупа: произведение уже было пародией на самое себя, и пародист не смог бы превзойти автора. Барокко (бароко) — это одно из наименований силлогизма: XVIII век применил его к вычурности в архитектуре и живописи XVII столетия; я сказал бы, что завершающий этап любого искусства, когда оно исчерпывает себя и выставляет напоказ свои приемы, — барочен. Барочность — это умствование, а Бернард Шоу сказал, что любая умственная деятельность смешна. Смех — неосознанно для автора — ощущается в творчестве Бальтасара Грассиана; осознанно либо предумышленно он присутствует в творчестве Джона Донна.

Уже самым названием этой книги заявлена ее барочная природа. Переписать сейчас давние рассказы означало бы уничтожить их; я могу только сослаться на сентенцию «quod scripsi, scripsi»¹ (Ин. 19: 22) и, двадцать лет спустя, переиздать их без изменения. Они — не более чем игра неуверенного в себе автора, который не был склонен писать рассказы и который нашел себе развлечение в искажении и подделке (без какой-либо эстетической подоплеки) чужих историй. Эти весьма двусмысленные намерения привели к созданию наиболее тщательно отделанного рассказа — «Мужчина из Розового салона», — который написан от имени деда Франсиско Бустоса и который почему-то пользуется у читателей успехом.

В этом рассказе, построенном на разговорной речи, встречаются и некоторые книжные слова. Я ввел их в рассказ потому, что люди предместья, куманьки, поножовщики тяготеют к изысканной речи либо (данное суждение исключает иные, но, возможно, оно истинно) потому, что любой поножовщик индивидуален и никогда не говорит как поножовщик, который является не более чем умозрительной фигурой.

¹ «Что написал, то написал» (лат.).

Знатоки Великих Связей утверждают, что основа Вселенной — пустота. Они правы в отношении той малой частицы Вселенной, какой можно назвать данную книгу. Слово «бесчестье» в ее названии вызывает недоумение, висельники и пираты населяют ее, но в глубине людского водоворота нет ничего. Есть только видимость, оболочка образов; может быть, поэтому книга и нравится читателям. Человек, написавший ее, был совершенно неуверен в себе, но он написал ее ради развлечения и удовольствия; остается только уповать на то, что какое-то удовольствие получают и читатели.

В раздел «Et cetera» я добавил три новые истории.

Х. Л. Б.

*I inscribe this book to S. D.: English, innumerable
and an Angel. Also: I offer her that kernel of myself that
I have saved, somehow — the central heart that deals
not in words, traffics, not with dreams and is untouched
by time, by joy, by adversities¹.*

¹ Я посвящаю эту книгу С. Д.: сочетающей в себе все ангельское, несметное и английское. И еще: это подношение составляет самую мою сущность, то, что мне так или иначе удалось сохранить, — сердцевину себя, которая заключается не в словах, не в страстностях, не в свидениях и не доступна ни времени, ни радости, ни ненастьям (англ.).

Жестокий освободитель Лазарус Морель

Отдаленная причина

В 1515 году отцу Бартоломе де лас Касасу стало очень жалко индейцев, изнемогавших от непосильного труда в аду антильских золотых копей, и он предложил императору Карлу V ввозить негров, чтобы от непосильного труда в аду антильских золотых копей изнемогали негры. Этому любопытному извращению чувств филантропа мы обязаны бесчисленными следствиями: отсюда блюзы Хэнди, успех в Париже художника с Восточного берега Педро Фигари, превосходная проза, трактующая о беглых рабах, другого уругвайца, дона Висенте Росси, мифологическое величие Авраама Линкольна, пятьсот тысяч погибших в войне между Севером и Югом, три миллиарда триста миллионов, потраченных на военные пенсии, статуя мнимого Фалучо, включение глагола «линчевать» в тринадцатое издание Академического словаря, страстный фильм

«Аллилуйя», мощная штыковая атака Солера во главе его «смуглых» и «черных» в Серрито, прелесть сеньориты такой-то, негр, убивший Мартина Фьерро, пошлая румба «Эль Манисеро», пресеченный и заточенный наполеоновский порыв Туссен-Лувертюра, крест и змея на Гаити, кровь коз, зарезанных ножом папа-лоа, хабанера как мать танго, танец кандомбе.

А кроме того, преступная и великолепная жизнь жестокого освободителя Лазаруса Мореля.

Место

Миссисипи, Мать Вод, самая длинная река в мире, была достойным поприщем для этого несравненного подлеца. (Открыл ее Альварес де Пинеда, и первым ее исследователем был капитан Эрнандо де Сото, конкистадор, который завоевал Перу и скрашивал месяцы тюремной жизни инке Атауальпе, обучая его игре в шахматы. Когда капитан умер, его могилой стали воды этой реки.)

Миссисипи — широкогрудая, бесконечно длинная и смуглая сестра рек Парана, Уругвай, Амазонка и Ориноко. Воды этой реки имеют цвет кожи мулата — более четырехсот миллионов тонн ила,

принесенного ими, ежегодно загрязняют Мексиканский залив. Такое количество почтенных древних нечистот привело к образованию дельты, где гигантские болотные кипарисы растут на отбросах непрерывно размываемого континента, а топки лабиринты, усеянные дохлой рыбой и заросшие тростником, все расширяют границы и мирную тишину зловонной своей империи. Севернее, на широтах Арканзаса и Огайо, также простираются низменности. Живет там желтолицее племя изможденных бедняг, болеющих лихорадкой, с жадностью глядящих на камни и железо, потому что у них нет ничего, кроме песка, да древесины, да мутной воды.

Люди

В начале девятнадцатого века (нас интересует именно это время) обширные хлопковые плантации на берегах Миссисипи обрабатывали негры, трудившиеся от зари до зари. Спали они в бревенчатых хижинах на земляном полу. Все родственные связи, кроме отношения «мать — дитя», были чисто условными и туманными. Имена были, но многие обходились без фамилий. Читать негры не умели. Мягким фальцетом они напевали свои песни,

удлиняя английские гласные. Работали рядами, согнувшись под бичом надсмотрщика. Порой убегали, тогда бородатые мужчины вскакивали на красивых лошадей, а сильные охотничьи собаки шли по следу.

К основе, состоявшей из животной надежды и африканских страхов, они прибавили слова Писания: их верой стала вера в Христа. Вволнованно хором они пели: «Go down, Moses»¹. В Миссисипи они видели некое подобие мутной реки Иордан.

Владельцами этой труженицы-земли и этих негров-рабов были праздные, жадные длинноволосые господа, обитавшие в больших домах, глядевшихся в реку, — с неизменным псевдогреческим портиком из белой сосны. Хороший раб стоил дорого и тянул недолго. Некоторые были настолько неблагодарны, что вскоре заболели и умирали. Следовало выжимать из этих ненадежных типов максимум прибыли. Поэтому их держали в поле от первого луча солнца до последнего, поэтому ежегодно собирали со своих земель урожай хлопка, или табака, или сахара. Утомленная и задерганная непрерывной обработкой, земля быстро истощалась; в плантации вклинивались густые

¹ «Сойди, Моисей» (англ.).

заросли сорняков. На заброшенных фермах, в предместьях, в чащах тростника и на вонючих болотах жили poor whites, белые бедняки. То были рыболовы, охотники за чем придется, скотоводы. Они нередко выпрашивали у негров куски краденой пищи и в своем жалком прозябании тешились одной горделивой мыслью, что у них-то кровь чистая, без примеси. Одним из них был Лазарус Морель.

Наш герой

Публикуемые в американских журналах дагеротипы Мореля не аутентичны. Отсутствие подлинных изображений человека, столь запоминающегося и знаменитого, наверняка не случайно. Можно предположить, что Морель уклонялся от посеребрянной пластинки главным образом для того, чтобы не оставлять лишних следов да, кстати, поддержать таинственность... Однако мы знаем, что в молодости он был некрасив и что слишком близко посаженные глаза и тонкие губы не располагали в его пользу. Впоследствии годы придали ему ту особую величавость, которая бывает у поседевших негодяев, у удачливых и оставшихся безнаказанными преступников. Он был истый аристократ-южанин, несмотря на нищее детство

и бесчестную жизнь. Недурно зная Священное Писание, он произносил проповеди с необычайной убедительностью. «Видел Лазаруса Мореля на кафедре, — записывает некий владелец игорного дома в Батон-Руж, штат Луизиана, — слушал его назидательные речи и видел, как у него на глазах проступали слезы. Я-то знал, что он прелюбодей, похититель негров и убийца перед лицом Господа, но и мои глаза плакали».

Другое яркое свидетельство этих благочестивых порывов исходит от самого Мореля. «Я открыл наугад Библию, наткнулся на подходящий стих у апостола Павла и говорил проповедь час двадцать минут. Не потеряли зря это время и Креншоу с товарищами — они покамест угнали у моих слушателей всех лошадей. Мы их продали в штате Арканзас, кроме одного гнедого, горячего коня, которого я придержал для собственного употребления. Креншоу он тоже понравился, но я его убедил, что конь этот ему не подходит».

Метод

Красть лошадей в одном штате и продавать их в другом было лишь незначительным отклонением в преступной исто-

рии Мореля, однако это занятие уже предвещало тот метод, который обеспечил ему прочное место во Всеобщей истории бесчестья. Метод, единственный не только по обстоятельствам *sui generis*¹, его определившим, но и по требующейся для него низости, по сатанинской игре на надежде и по постепенному развороту, схожему с мучительным развитием кошмара. Аль-Капоне и Багс Моран орудуют огромными капиталами и покорными автоматическими ружьями в большом городе, но их занятие достаточно пошлое. Они спорят из-за монополии, только и всего... Что до численности шайки, так Морель под конец командовал какой-нибудь тысячей молодцов, и все они приносили ему клятву верности. Двести входили в Верховный совет, издававший приказы, которые выполнялись остальными восемьюстами. Опасности подвергались подчиненные. В случае бунта их предавали суду либо просто бросали в быстрые мутные воды реки с надежным камнем на ногах. Частенько то были мулаты. Их бандитская роль состояла в следующем.

Они объезжали — для пущего почтения щеголяя дорогим перстнем — обширные плантации Юга. Находили ка-

¹ Своеобразный (*лат.*).

кого-нибудь несчастного негра и обещали ему свободу. Убеждали его бежать от хозяина, чтобы они могли продать его вторично на какую-нибудь отдаленную плантацию. Тогда, мол, они дадут ему столько-то процентов от вырученных денег и помогут бежать снова. Потом доставят его в один из свободных штатов. Деньги и воля, звонкие серебряные доллары и воля — можно ли было предложить что-либо более соблазнительное? И раб решался на свой первый побег.

Естественным путем для бегства была река. Каноэ, трюм корабля, шлюпка, необозримо огромный плот с будкой на одном конце или с высокими парусиновыми палатками — не все ли равно как, главное — знать, что ты движешься, что ты в безопасности на неустанно текущей реке... Негра продавали на другой плантации. Он опять убегал в тростниковые заросли или прятался в пустых бараках. Тогда грозные благодетели (к которым он уже начинал испытывать недоверие) говорили ему о каких-то непредвиденных расходах и заявляли, что вынуждены его продать в последний раз. Когда он вернется, ему отдадут проценты за две продажи и он будет свободен. Негр разрешал себя продать, какое-то время работал, по-

том решался на последнее бегство, несмотря на охотничьих собак и грозившую порку. Он возвращался окровавленный, потный, отчаявшийся, засыпающий на ходу.

Окончательная свобода

Следует рассмотреть юридический аспект этих фактов. Молодчики Мореля не продавали негра до тех пор, пока первый его хозяин не объявит о его бегстве и не предложит награду за поимку беглеца. Тогда любой был вправе задержать его, и последующая продажа представляла собой лишь некое злоупотребление доверием беглеца, но не похищение. Обращаться же к гражданскому правосудию было бесполезно и накладно — убытки никогда не возмещались.

Все это, казалось, должно было избавить от опасений. Однако нет. Негр мог заговорить, в порыве благодарности или горя негр мог проговориться. Несколько фляг ячменного виски в публичном доме в Эль-Каиро, штат Иллинойс, где этот сукин сын, этот потомственный раб станет транжирить кругленькую сумму, которую они должны ему отдать ни за что ни про что, — и конец тайне. Север в эти годы мучила партия аболиционистов, шайка опасных безумцев, которые отрицали собст-

венность, проповедовали освобождение негров и подбивали их убежать. Морель отнюдь не желал, чтобы его причислили к этим анархистам. Он был не янки, он был белый с Юга, сын и внук белых, и он питал надежду со временем удалиться от дел, зажить баринном и обзавестись хлопковыми плантациями и рядами гнущих спину рабов. С его опытом он не мог себе позволить рисковать зря.

Беглец ждал освобождения. Тогда хмурые мулаты Лазаруса Мореля передавали друг другу приказ — порой всего лишь шевельнув бровью — и освобождали негра от зрения, от слуха, от осязания, от дневного света, от окружающей подлости, от времени, от благодетелей, от милосердия, от воздуха, от собак, от Вселенной, от надежды, от труда и от него самого. Пуля, удар ножом в живот или кулаком по голове — точные сведения получали черепахи и рыбы-усачи в Миссисипи.

Крах

Дело, которому служили верные люди, должно было процветать. К началу 1834-го Морель «освободил» уже около семисот негров, и еще немало собиралось последовать примеру этих «счастливицев». Зона деятельности расширилась, понадобилось

принять новых членов. Среди принесших клятву новичков был один парень, Вирджил Стюарт из Арканзаса, который очень скоро выделился своей жестокостью. Парень этот был племянником одного аристократа, потерявшего большое число рабов. В августе 1834 года Вирджил нарушил клятву и выдал Мореля и всех остальных. Дом Мореля в Новом Орлеане был осажден полицией. Но по ее оплошности или с помощью подкупа Морелю удалось бежать.

Прошло три дня. Морель это время скрывался на улице Тулуз в старинном доме, где было патио с вьющимися растениями и статуями. Он, говорят, ел очень мало и все бродил босиком по большим темным покоям, задумчиво куря сигареты. Через служившего в этом доме раба он передал два письма — в город Натчез и в Ред-Ривер. На четвертый день в дом вошли трое мужчин и побеседовали с ним до рассвета. На пятый день к вечеру Морель встал, попросил наваху и тщательно сбрил себе бороду. Затем оделся и вышел. Неторопливо, спокойно он прошел по северному предместью. И только оказавшись за городом, на прибрежных низменностях Миссисипи, зашагал быстрее.

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история бесчестья

Предисловие к первому изданию <i>Перевод В. Андреева</i>	7
Предисловие к изданию 1954 года <i>Перевод В. Андреева</i>	9
Жестокий освободитель Лазарус Морель <i>Перевод Е. Лысенко</i>	15
Беспардонный лжец Том Кастро <i>Перевод Е. Лысенко</i>	29
Вдова Чин, пиратка <i>Перевод К. Корконосенко</i>	40
Преступных дел мастер Монк Истмен <i>Перевод Е. Лысенко</i>	50
Бескорыстный убийца Билл Харриган <i>Перевод К. Корконосенко</i>	61
Неучтивый церемониймейстер Кодзукэ-но Сукэ. <i>Перевод Е. Лысенко</i>	69
Хаким из Мерва, красильщик в маске <i>Перевод Е. Лысенко</i>	78
Мужчина из Розового салона <i>Перевод К. Корконосенко</i>	88
Список источников (приведен Х. Л. Борхесом в издании 1954 г.)	102

СОДЕРЖАНИЕ

ЕТ СЕТЕРА

Перевод В. Резник

Смерть богослова	104
Палата с фигурами	106
История о двух сновидцах	110
Отсрочка	112
Чернильное зеркало	116
Двойник Магомета	121

История вечности

Предисловие. <i>Перевод К. Корконосенко</i>	125
История вечности <i>Перевод А. Погоняйло, В. Резник</i>	127
Кёнинги. <i>Перевод Б. Дубина</i>	163
Метафора. <i>Перевод Б. Дубина</i>	189
Учение о циклах. <i>Перевод Е. Лысенко</i>	196
Циклическое время <i>Перевод К. Корконосенко</i>	214
Переводчики «Тысячи и одной ночи» <i>Перевод Б. Ковалева</i>	223
Приближение к Альмутасиму <i>Перевод Е. Лысенко</i>	265
Наука злословия <i>Перевод К. Корконосенко</i>	277
Примечания. <i>Б. Дубин</i>	290

Борхес Х. Л.

Б 83 Всеобщая история бесчестья : рассказы / Хорхе Луис Борхес ; пер. с исп. В. Андреева, Б. Дубина, Б. Ковалева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-20846-9

Хорхе Луис Борхес — один из самых известных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Тексты Борхеса, будь то художественная проза, поэзия или размышления, представляют собой своеобразную интеллектуальную игру — они полны тайн и фантастических образов, чьи истоки следует искать в литературе и культурах прошлого.

Сборник «Всеобщая история бесчестья», вошедший в настоящий том, — это собрание рассказов о людях, которым моральное падение, преступления и позор открыли дорогу к славе. Описывая чудовищные злодеяния, ставшие легендой, Борхес остается верен своей склонности к литературным мистификациям. По его утверждению, в книге «есть только видимость, оболочка образов; может быть, поэтому книга и нравится читателям».

В книгу также вошел сборник «История вечности», в котором автор объединил размышления о цикличности времени, рецензии на несуществующие книги, обзор разнообразных переводов сказок «Тысячи и одной ночи», трактат о поэзии скальдов и многое другое.

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Apr)-44

Литературно-художественное издание

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
БЕСЧЕСТЬЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Ольга Попова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.04.2022.

Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 14. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-SMP-29751-01-R